

Елина Иркова

**Почти детективная
история**

(только для женщин!)

СУПЕР Издательство

Елина Иркова

**Почти детективная история
(только для женщин!)**

«СУПЕР Издательство»

2018

Иркова Е.

Почти детективная история (только для женщин!) / Е. Иркова —
«СУПЕР Издательство», 2018

ISBN 978-5-907137-32-5

«Темно-зеленая вода, густая, как кисель, затягивала... Я опускалась все глубже и глубже, на самое дно. Воздуха не хватало. Я поняла, что если опущусь на это самое дно, то умру. Отчаянно забарахтавшись, я вдруг открыла глаза... Воздуха по-прежнему не хватало. Было темно. С трудом откинув груды одеял, закрывавших меня с головой, я села. Сквозь плотно закрытые темно-зеленые шторы пробивались тоненькие лучи солнечного света. Голова гудела, как пустой котел. Где я? Я похлопала глазами, пощупала диван, закрутила головой. Дома! Ну, конечно же, я дома! Но почему я лежала закрытая с головой всеми одеялами?! Даже с кровати дочери все было снято и навалено на диван, вернее на меня. А сверху еще и покрывало! Совсем немного, и я, действительно, могла бы задохнуться!..»

ISBN 978-5-907137-32-5

© Иркова Е., 2018

© СУПЕР Издательство, 2018

Содержание

День первый	6
День первый	20
День первый	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Елина Иркова
Почти детективная история
(только для женщин!)

© Елина Иркова, 2018

© ООО СУПЕР Издательство, 2018

* * *

День первый

Темно-зеленая вода, густая, как кисель, затягивала...

Я опускалась все глубже и глубже, на самое дно. Воздуха не хватало. Я поняла, что если опущусь на это самое дно, то умру. Отчаянно забарахтавшись, я вдруг открыла глаза...

Воздуха по-прежнему не хватало. Было темно. С трудом откинув грудь одеял, закрывавших меня с головой, я села. Сквозь плотно закрытые темно-зеленые шторы пробивались тоненькие лучи солнечного света. Голова гудела, как пустой котел. Где я? Я похлопала глазами, пощупала диван, закрутила головой. Дома! Ну, конечно же, я дома! Но почему я лежала закрытая с головой всеми одеялами?! Даже с кровати дочери все было снято и навалено на диван, вернее на меня. А сверху еще и покрывало! Совсем немного, и я, действительно, могла бы задохнуться!

Спустив ноги на пол, я с трудом, пошатываясь на ходу, поплелась в ванную. Меня сразу вырвало. Я ополоснула лицо холодной водой, прополоскала рот и посмотрела в зеркало. Видок у меня был ужасный: волосы всклокочены, под глазами – темные круги... Я с удивлением оглядела себя: одета полностью, в свое единственное «выходное» платье, мятое и потерявшее всю свою нарядность. А где же мои единственные «выходные» туфли? Раз платье «выходное», то и туфли должны быть «выходные»... Я поплелась назад, к дивану. Туфли валялись под кроватью дочери, далеко, у самой стенки, словно кто-то нарочно их туда забросил. Наклониться и достать их сил не было. Я побрела на кухню, как была, в перекрученных колготках. Тапочек, моих любимых домашних тапочек, тоже нигде не было!

На кухне горел свет. На столе стояло приготовленное для подачи жаркое из курицы, в блюде из «парадного сервиза», торт с подсохшей верхушкой «Наполеон» (сама пекла!), коробка конфет.

Еще ничего не понимая, я жадно попила воды и побрела в большую комнату, которую мы называли «гостиной». Обеденный стол был раздвинут, покрыт единственной моей «праздничной» скатертью – белой, льняной, накрахмаленной, предметом моей тайной гордости, и сервирован на четверых. От хрустальных фужеров, подаренных когда-то отцу на юбилей, по столу пробегали солнечные зайчики.

На тарелках – остатки еды, полупустая бутылка с шампанским и коньяком (армянский, пять звездочек!), нетронутая бутылка «Столичной»...

От тарелок и салатниц по комнате расползлся противный кислый запах. Все испортилось! Я бросилась к окну, открыла его настежь и глотнула свежего воздуха. Под окном, на солнышке, во дворе весело чирикали воробьи, от нежного ветерка шелестели ветки деревьев, гуляли мамы с детьми...

«Где Танька?» Сердце моментально сжалось от нестерпимой тревоги за дочь. Я схватила телефонную трубку и, с трудом вспомнив номер, набрала телефон родителей. Мама ответила бодрым и веселым голосом:

– Ну и как там у вас дела? – лукаво спросила она и замолчала, ожидая подробностей.

– Где Танька? – я с трудом шевелила пересохшими губами.

– В садике. Где же ей еще быть? – удивилась мама.

– А который сейчас час? – спросила я, все еще туго соображая.

– Уже скоро два часа... – в голосе мамы зазвучало беспокойство. – Похоже, вы вчера увлеклись... Мне зайти?

– Нет, нет! – испуганно ответила я. – Я тебе потом все расскажу! Забери, пожалуйста, Таньку из садика сама. Я приду к вам за ней вечером.

– Хорошо, – медленно ответила мама. Она была явно удивлена и обеспокоена, но старалась этого не показать.

Положив трубку, я медленно села в кресло, стоявшее рядом с телефоном, и тупо уставилась на сервированный стол. «Что здесь было? Что здесь произошло?!» В голове, наконец, появились обрывки каких-то мыслей. Я снова поплелась на кухню, насыпала в турку изрядную порцию молотого кофе («Арабика!»), когда – то с трудом добытого, налила воды, поставила на плиту и довела до кипения. Кофе получился что надо! Густой, с пенкой! Прихлебывая обжигающий кофе, посмотрела на часы, висевшие над кухонным столом – два часа тридцать минут. Почти конец рабочего дня! Работа... Почему я не на работе?! Какой сегодня день? Раз Танька в садике, значит день рабочий...

Я пыталась построить логическую цепочку, но мысли продолжали путаться. Постепенно, после большой кружки кофе, способность мыслить частично восстановилась. «Раз я мыслю, значит, я существую!» – криво улыбнулась я себе самой. Я все еще переживала зеленый кошмар...

«Надо позвонить на работу!» – наконец догадалась я и побрела к телефону. Номер доцента я вспомнила сразу! Он быстро снял трубку.

– Михаил Юрьевич! Здравствуйте. Это Надежда Александровна. Я заболела, – виновато прошелестела я в трубку. – Извините, что не позвонила раньше, была высокая температура, можно я задним числом оформлю день «без содержания»? Внезапно я вспомнила, какое сегодня число. Это был мой последний день ординатуры. В трубке стучалось непонятное для меня молчание. Наконец доцент, цедя слова, медленно ответил:

– Я ничего не понял! Куда вы опять исчезли? Мы вас ждали... некоторое время...

В голове у меня вспыхнула и разлетелась на радужные осколки шаровая молния. Я все вспомнила и... похолодела!

– Извините... Так получилось... – лепетала я, покрываясь холодным потом.

– Странно. Очень странно! – раздраженно отозвался доцент. Голос был сухим, металлическим. – Вы всегда исчезаете в самый последний момент... Не понимаю! Это такая тактика?!

– Я заболела... – снова попыталась я оправдаться. Теперь уже горячие капли стекали у меня между лопаток...

– Ладно, болейте! – голос доцента несколько смягчился. – Я скажу на кафедре, что сегодня вас не будет. Но завтра вы должны быть обязательно! Последнее кафедральное совещание. Мы должны дать вам характеристику и выдать документы об окончании вашей ординатуры. Надеюсь, что вы поправитесь к завтрашнему дню?! – в голосе звучал явный сарказм.

– Конечно, конечно... Завтра я обязательно приду!

Снова повисло молчание.

– Это последнее мое здесь кафедральное совещание, – уже совершенно другим, грустным голосом продолжил доцент. – Сегодня утром я подал заявление о переводе... Я не сомневаюсь, что вопрос будет решен положительно...

Сердце у меня вдруг ухнуло и покатилося куда-то вниз.

– Это ваше окончательное решение? – с дрожью в голосе переспросила я.

– Да! Но... Если бы вы вчера не исчезли, то все было бы по-другому!

В трубке запикали короткие гудки. Я медленно положила трубку на рычаг. На глаза тут же навернулись слезы. В голове понеслось: «Ну, вот и все! Все закончилось, так и не начавшись! Надо ехать к нему, уговаривать остаться!»

Я бросилась к входной двери. «Куда? В таком виде?!» Дверь была заперта снаружи, на второй замок, который открывался только ключом. Это был запасной замок, который мы закрывали только тогда, когда уезжали надолго. В обычной жизни я им никогда не пользовалась. Ключей, которые висели у меня на крючке в прихожей, не было!

«Странно, очень странно!» – повторила я про себя фразу доцента. Голова опять загудела. Вспомнить номер Ирки я не смогла. Схватила свою записную книжку и стала лихорадочно перелистывать страницы. Позвонить опять маме и узнать номер Ирки я не хотела. Это и без

того усилило бы ее беспокойство, а волновать ее я не хотела. Наконец я нашла телефон Ирки и перевела дух.

Ирка была моей подругой. Некоторое время назад родители сдавали им (это Ирке и ее мужу Косте) комнату. Тогда у нас после очередной папиной операции было очень плохо с деньгами. Они прожили у родителей почти год, пока не получили, как молодые специалисты, комнату в заводском общежитии «для семейных». Оба они окончили политехнический институт там у себя, в Запорожье, а распределение получили сюда, к нам, на один крупный завод. По специальности Ирка была химиком, а Костя – инженером-конструктором. Я в то время почти каждый вечер проводила у родителей. Мы, я и Ирка, понравились друг другу и подружились. Потом Ирка стала приходить ко мне поболтать, поделиться... В нашем городе они еще не обзавелись знакомыми и друзьями, да и у меня особых подруг тогда не было. Незаметно Ирка стала моей самой душевной подругой. Когда у меня были ночные дежурства, она часто выручала меня, оставалась с Танькой ночевать, отводила ее в садик! Костя, ее муж, не возражал. Он был домосед. Вечерами обычно что-то чертил, конструировал, придумывал по своей работе, а Ирке тогда становилось скучно, и она бежала ко мне. Иногда она жаловалась мне на Костю, что он «скучный, как осенний дождь», никуда не хочет идти – ни в театр, ни в кино, и что он страшный скряга. Я пропускала эти жалобы мимо ушей. Костя мне нравился – спокойный, наллегный, уравновешенный, увлеченный своей работой. Да и внешность у него была очень приятная. Ирку, на мой взгляд, он очень любил. Это, с высоты моего печального жизненного опыта, было видно по всему. И я не понимала, почему Ирка «дергается». Я не раз говорила ей, что «не два горошка на ложку», но она только обиженно поджимала губы. Ирке надо было все и сразу!

Она была полной противоположностью своему обстоятельному и немногословному Костику. Недаром говорят, что противоположности сходятся! Она была болтушкой, каких мало. Непоседливая, веселая, живая. Настроение у нее постоянно менялось от плюса к минусу. Усидеть на месте ей было очень сложно. По самому незначительному поводу могла залиться слезами, а через пять минут все забыть и смеяться какой-нибудь глупой шутке. Типичный холерик! Костик любовно называл ее «попрыгуньей-стрекозой». Мне она почему-то отчаянно завидовала. То ли из-за доставшейся мне после развода квартиры, то ли из-за того, что мои родители были рядом, то ли из-за того, что у меня была дочь. Всему завидовала! Я это знала, но не понимала. Хотя это не мешало нам дружить! Я тоже была, наверное, в ее глазах «скучной, как осенний дождь»... Своими перенесенными бедами и обидами я, из-за своего дурацкого характера, не делилась. Это было только мое! А ей казалось, что у меня в жизни все было просто и легко.

Еще она была страшной неряхой и лентяйкой. Мама потом, когда они уже съехали, мне жаловалась, говорила, что Ирка никогда за собой тарелки не помыла. Все делал Костя. Даже белье ее стирал! Да и за собой она не следила: ногти всегда облупленные, волосы – грязные, не расчесанные. На мои замечания она оправдывалась, говорила, что это из-за ее работы в химической лаборатории, но я подозревала, что ей было просто лень. После того как она оставалась с Танькой на ночь, на кухне высилась гора грязной посуды, на столе – крошки, в ванной на моей расческе пучки волос. И всегда – не заправленная кровать! Почему-то после ее ночевки я всегда меняла постельное белье... Все это были мелкие бытовые детали, и свое раздражение я, конечно, никак не проявляла. Терпела. Терпела потому, наверное, что мне с ней было легко. Она никогда не «комплексовала», как я. И потом я к ней привязалась, глубоко, по-настоящему. Мне казалось, что она привязана ко мне тоже. Болтать мы могли подолгу и о чем угодно. Ирка много читала, любила кино, знала все о знаменитых актерах. Как-то она призналась, что хотела поступать в театральный, но потом выскочила замуж за Костика... И стала химиком.

Ее внешность немного портил слегка косящий взгляд. Никогда нельзя было угадать, куда она смотрит. Мордашка у нее была вполне симпатичная, да и фигурка – тоже.

Я вспомнила! Ирка с Костиком были вчера здесь!

Когда я дозвонилась Ирке на работу, она была на месте и сразу взяла трубку.

– Ир! Мне же надо за Танькой в садик, а я не могу выйти из дома! Дверь закрыта снаружи.

Где ключи?

– У меня... – наконец ответила Ирка. Голос у нее был какой-то странный, безжизненный. – Я смогу приехать только через час.

– А я не могу тебя так долго ждать!!! – взвилась я. – Зачем ты взяла ключи?! Давай скорее!

Я в раздражении бросила трубку. Не могла же я ей сказать, что мне надо успеть застать доцента на работе. Тут явно что-то не сходилось. Но пока я не стала забивать себе голову. Я стащила с себя мятое платье и бросилась под горячий душ, вымыла все еще болевшую голову. Потом я переделалась в свой родной домашний халат. Сразу стало легче: руки уже не тряслись и перестало тошнить. Я принялась убирать со стола тарелки с прокисшей едой.

«Сколько трудов и продуктов пропало!» – с горечью подумала я, выбрасывая салаты в мусорное ведро. Торт выбрасывать было жалко. «Надеюсь, что не успел испортиться. От Таньки спрячу, потом съем сама... А жаркое еще раз протушу... Конфеты и спиртное точно не испортились». И тут я застыла. Внутри вдруг возникло какое-то непонятное беспокойство: «Надо вылить шампанское. Это от него мне стало плохо...». Память возвращалась... Я вспомнила: как всегда, после выпитого бокала, почувствовала себя дурно и выскочила из-за стола и еле-еле добралась до своего дивана... Что было потом, не помнила! Все было покрыто зеленым мраком. Почему-то я была уверена, что кроме шампанского я ничего не пила! Я взяла бутылку и собралась было ее вылить, но что-то меня остановило. Руки сделали совсем другое: я закрыла горлышко пробками, лежащими здесь же, на столе, и спрятала бутылки на антресоли. Тогда я не совсем понимала, зачем я это делаю. Наверное, интуиция сработала...

«Надо будет проверить...» – пронеслась в голове нелепая мыслишка. Что проверить – я не знала! Я уже закончила уборку и отмывала посуду, когда в замке повернулся ключ и в прихожей появилась Ирка. Она была необычно бледна и старалась не смотреть мне в глаза.

– Куда ты вчера исчезла? Мы тебя ждали, ждали, а потом ушли... поэтому я и забрала ключи. Звонить родителям было уже поздно. Извини.

Голос у Ирки по-прежнему был совершенно безжизненный, словно это она отравилась, а не я! Я внимательно посмотрела на подругу: что-то тут явно не сходилось!

– Мне стало плохо. Я легла... Странно, что ты меня не заметила!

Ирка никак на это не отреагировала, словно не удивилась моему ответу. Она была словно замороженной!

– Меня отпустили всего на полчаса, держи ключи. Я пойду...

– Да, конечно... – поспешно ответила я. Видеть ее и разговаривать с ней мне совсем не хотелось. Мне надо было застать доцента!

– Ого! Ты уже все убрала... – удивилась Ирка, зачем-то заглянув в гостиную и наконец, проявив хоть какую-то эмоцию.

– А я бы выпила сейчас чего-нибудь!

– Ты же торопишься на работу! – теперь пришла моя очередь удивляться. – Что-то случилось?

– Нет, все нормально. Только настроение паршивое...

– Не получится у тебя выпить! Я все вылила, – объявила я с легким злорадством в голосе.

Мне показалось, что Ирка с облегчением вздохнула.

– Да? Тогда ладно. Я пойду. Пока!

– Пока!

Когда за Иркой захлопнулась дверь, у меня вдруг ослабли колени, и я плюхнулась на стул. Села и задумалась: «Не понимаю, как они могли меня не заметить! Хотя... в комнате было темно, и шторы были плотно задернуты. Странно. Я никогда так плотно не задергиваю»

шторы на ночь – Танька боится! Или они уже крепко выпили? Но в бутылках оставалось больше половины... Костик почти не пьет – не любит. Тогда на Ирку и доцента получилось больше? Но для доцента – это капля в море!

То, что доцент всегда здесь был, я вспомнила очень отчетливо... Он мог выпить очень прилично и при этом внешне никогда не пьянел. Я это знала – изучила за эти два года!

Я поняла, что мне надо все вспомнить в мельчайших деталях, иначе я ничего не пойму и мне опять станет плохо. Плохо – от тревоги и подозрений...

«Так, когда мы сели за стол, открывал шампанское и разливал его по фужерам доцент. Он же и произнес первый тост. Поздравил меня с успешным окончанием ординатуры, пожелал всяческих успехов... Мы выпили, потом ели закуски, салаты. Смеялись, разговаривали. На столе все было свежее, ведь все это делала я сама! Могу ручаться! И майонез был свежий, только что купила баночку. С трудом! Помню, как доцент удивлялся, что у меня подруга не враг...»

В голове стремительно крутились обрывки кадров. Как на старой пленке...

«...Потом я вышла на кухню, проверить жаркое, а когда вернулась, фужеры вновь были наполнены. Кто тогда разливал? И где были все, когда я вышла? Так. Стоп. Доцент вышел на балкон, покурить. Это я помню совершенно точно. Костик, когда я вернулась из кухни, стоял у шкафа и рассматривал книги. А Ирка? Ирка продолжала сидеть за столом...»

У меня теперь мелко и противно задрожали руки, словно я чего-то испугалась. Так же дрожали руки у меня вчера – я безумно волновалась, когда доцент все-таки пришел. Пришел такой нарядный: в костюме, с галстуком, который он обычно никогда не носил, в начищенных до блеска ботинках и с букетом шикарных гладиолусов... темно-бардовых!

Раздался телефонный звонок. В тишине квартиры он прозвучал так резко, что я невольно вздрогнула. Звонил Костик.

– Надя! Ты не знаешь, где сейчас Ирина? Звоню в лабораторию, говорят, куда-то ушла, – спросил он встревожено.

– Только что была у меня. Привезла ключи.

Костик вдруг засмеялся и смущенно продолжил:

– Она вчера отправила меня домой, а сама пошла тебя искать с этим... ну... твоим доцентом. Ее не было всю ночь! Я очень волновался. Где ты была? Она тебя нашла?

Я молчала, потому что вспомнила тягучий, темно-зеленый кошмар.

– Нашла... – проямлила я в трубку, холодея от ужаса и подозрений.

– У вас что-то с ним произошло? Почему ты исчезла? Вы поссорились?

Я опять замолчала, не зная, что ему ответить.

– Извини, что надоедаю с вопросами. Просто извелся весь за эту ночь... Позвонил ей утром на работу, ее – нет, звоню тебе – молчание... Ирина была с тобой?! Твоим родителям звонить не стал, чтобы не волновать. Потом она пришла на работу... Говорит, что ночевала у тебя. Это правда?!

– Да, – соврала я дрожащим голосом. Костик с облегчением вздохнул.

– Ну, тогда извини! Пока!

– Пока... – машинально ответила я, думая совсем о другом.

Я была дома, на своем диване, но ни доцент, ни Костик меня не видели? Как это могло случиться?! В моей маленькой двухкомнатной квартирке?!

Я вспомнила груды одеял, наваленных на меня, да еще покрывало сверху. За такой горой, пожалуй, что действительно, не увидишь. Но кто меня так закрыл? Сама я?! Словно нарочно... Ирка?!

Снова возник темно-зеленый кошмар. «А ведь я тогда умирала!» – это я поняла сейчас совершенно четко. Мне это не приснилось! Если бы я не сумела открыть глаза...

Я взглянула на часы – на кафедру я уже не успевала. Позвонила родителям. Ребенка они уже из садика забрали. С Танькой все было в порядке – сейчас она, счастливая, что меня нет и ей никто ничего не запрещает, смотрела свои любимые мультики по телевизору. Домой она совершенно не хотела! Я воспользовалась ситуацией и попросила маму оставить Таньку у себя еще на одну ночь. Никто не возражал, все были довольны, особенно дочь! А у меня появилось время еще раз все вспомнить и обдумать. Из тщательно запрятанной пачки я взяла сигарету и опять заварила кофе. Потом с дымящейся кружкой забралась с ногами в кресло, затаилась и постаралась сосредоточиться... Я никогда не курила при Таньке (не педагогично!) и на работе. Но сейчас я была совершенно одна. Сразу же нахлынули воспоминания...

По странному и даже загадочному стечению обстоятельств в моей жизни, все мои несостоявшиеся женихи были из Ростова, а всех состоявшихся соперниц звали Зинками... Доцент тоже был из Ростова. Это так, к слову... а теперь все по порядку!

В доцента я влюбилась сразу, как только оказалась в ординатуре, на этой кафедре. До этого я тихо прокисала в цеховых терапевтах и изо всех сил старалась не забыть того, чему меня учили в институте. Состав моих пациентов был удручающе однообразен – грипп, ангина, гипертонический криз, обострение гастрита. Мне бы этому радоваться и тихо работать, но мне было скучно. Хотелось новых знаний, нового опыта, интересной работы. В мечтах я представляла, как занимаюсь научной работой, становлюсь знаменитым специалистом, защищаю диссертацию, нахожу новые методы лечения, приношу пользу стране и людям...

Здесь, где я работала, в заводской МСЧ, мужики обычно, тщательно скрывая свое похмелье, «заболевали» после выходных, а женщины, наоборот, перед выходными, к концу рабочей недели, когда накапливались домашние дела, которые хотелось сделать до выходных, когда все семейство было в сборе.

Все «цеховички», то бишь цеховые терапевты, хорошо знали эту закономерность и даже извлекали из этого некую материальную выгоду в виде коробки конфет или баночки дефицитного растворимого кофе «Пеле», на мой взгляд, совершенно гадкого на вкус. Иногда выгода была более ощутимой, но этого, конечно, никто не афишировал. Больничные листы выдавались и тщательно обосновывались записями в амбулаторных картах, по сути дела – записями фиктивными: «Комар носа не подточит!». Это устраивало всех – и пациентов, и медицинское начальство, которое тоже имело свою выгоду...

И кроме того – высокую посещаемость. Все это мне было противно и скучно. Главное – скучно!

У каждой «цеховички» (а работали у нас в терапевтах только дамы среднего возраста) была своя, неизменяемая годами схема лечения. Вскоре по этим назначениям я могла безошибочно узнать, у кого из врачей был тот или иной пациент.

В этой среде новые подходы и методы лечения не приветствовались и даже встречались в штыки, и тем более рассуждения об этиологии и патогенезе заболевания, дифференциальной диагностике. Как-то, «по-дружески», одна из самых заслуженных и долго работающих в МСЧ коллег назидательно мне посоветовала:

– Не забивайте себе голову! Нашим работягам что нужно? Больничный? Главное, чтобы у тебя в документах все было правильно написано, а лечиться они все равно будут по-своему!

Меня тогда удивил, если не поразил, этот профессиональный цинизм, и я долго переживала по этому поводу. Сдаваться мне не хотелось. Тогда надо было поставить жирный крест на своих мечтах! Я сопротивлялась, как могла! Ходила в областную медицинскую библиотеку, выписывала серьезные медицинские журналы, покупала новые книги и монографии. При моей зарплате это было тяжело, но я отказывала себе в покупке «маленьких радостей», чтобы быть в курсе всех новых достижений терапевтической науки. Конечно, на ребенке я не сэкономила, но во всем остальном... Когда ко мне попаллал «интересный» пациент и мне удавалось поста-

вить правильный диагноз и назначить нужное лечение, я была счастлива. Даже завела себе картотеку таких интересных случаев, куда вносила и опубликованные в журналах «записки из практики». Коллеги посмеивались, говорили, что это от отсутствия «личной жизни», усиленно предлагали разных женихов из заводского начальства.

Где-то они были правы... Может быть, я действительно так старалась отвлечь себя от боли за преданную первую любовь...

В те годы «партия и правительство» делали упор в медицине на профилактику. Постоянно звучал девиз: «Болезнь нужно не лечить, а предупредить!». Поэтому все цеховые терапевты один раз в неделю обязаны были заниматься профилактической работой: выходить на предприятие в прикрепленные цеха и отделы, осматривать рабочие места, проводить беседы и лекции на разные актуальные медицинские темы, заниматься анализом заболеваемости. Конечно же, многое или почти все делалось для «галочки».

Первое время, из-за своей наивности, принимая все эти призывы за «чистую монету», я попыталась, хотя бы приблизительно, изучить все технологические процессы на «вверенном» мне участке и выявить опасные для здоровья факторы. О, «святая простота»! Это вызывало у начальников моих подшефных цехов сначала откровенное изумление, а потом такую же откровенную насмешку. Моя наивность и молодое личико первое время сглаживало раздражение от моей активности и разных неприятных вопросов, но, когда я стала проявлять «настырность», меня поставили на место жестко и грубо. «Ты, девонька, в наши дела не лезь! Не суйся! – заявил мне один из начальников. – Твое дело лечить, а наше – пушки делать! А уж как мы это делаем – это наша забота. Нам государство платит за продукцию, а не за «технику безопасности»! У меня главное – план выполнить!»

ОТБ – отделы техники безопасности – на заводе были в совершенном загоне и в своих кабинетах сидели тихо, как мышки, целыми днями «гоняли чай», перебирали свои, никому не нужные инструкции и циркуляры. Расшевелить их было невозможно. Все боялись за свои теплые, насиженные места и неплохую зарплату. И только тогда, когда случалось какое-нибудь очередное «ЧП», начальство вспоминало о службе «техники безопасности». Там быстренько находили соответствующую инструкцию, которую был обязан подписать каждый поступающий на работу, акты инструктажа. И всю вину сваливали на работника. Дело быстренько закрывали, и все шло по-старому... В целях все той же «профилактики» устраивались периодические диспансерные осмотры. На завод выезжали целые бригады «узких специалистов», поликлиника пустела. Задачей цехового терапевта было максимально обеспечить явку на сто процентов и потом составить отчет по анализу заболеваемости. В диспансерные карточки тщательно записывались рекомендации, которые никто не думал выполнять. Эта диспансеризация тоже существовала только на бумаге! Это был как раз тот период, когда ВОЗ признало наше советское здравоохранение лучшим в мире...

Почему мне сейчас это вспомнилось? Потому что я стала просто задыхаться в этой атмосфере узаконенной всеобщей лжи! Несколько раз я подавала заявление в ординатуру, и когда меня, наконец, приняли, для меня это стало настоящим счастьем! Наконец-то я вырвалась из этого болота!

Ординатура: лекции ведущих профессоров, конференции, консилиумы, клинические разборы – все это было безумно интересно, окрыляло и вдохновляло. Я была постоянно в непривычной для меня эйфории. Мне все нравилось. Меня даже не пугали надвигающиеся проблемы – в ординатуре стипендия была гораздо ниже моей небольшой зарплаты. «Ничего, где наша не пропадала! Возьму дежурства, буду подрабатывать!» – думала я тогда.

На кафедре, куда я попала, жизнь, как мне тогда казалось, была ключом. Каждое утро я просыпалась счастливая от того, что выбралась из опостылевшей рутины. И каждый день стал для меня праздником! Ну и как тут было не влюбиться?! Доцент сразу поразил мое воображение! Его лекции, на которых я сидела, затаив дыхание, его эрудиция, его логика, его блестящие

клинические разборы, его виртуозное умение на голову разбить оппонента – все это вызывало у меня обожание. Его любимым выражением было: «Кто ясно мыслит, тот ясно говорит!» Я это полностью разделяла. Сначала я совершенно не обратила внимания на его внешность – была поражена его интеллектом. И только некоторое время спустя я, как говорится, оценила «фактуру». Он был мужчиной в моем вкусе: подтянутый, мускулистый, с густой русой, слегка вьющейся шевелюрой, тронутой едва заметной сединой, очень колоритной «шотландской» бородкой. Глаза, ярко-голубые, умные и насмешливые, руки – сильные и, в то же время, чуткие и мягкие, особенно когда он проводил осмотр больного. Ах! Как он «пальпировал» пациента, при этом весь уходил в свои «тактильные» ощущения, слегка прикрывая при этом глаза. Он словно видел патологию своими пальцами, без всякого рентгена! Губы – средние, влажные и яркие, тонко очерченные. Небольшие уши плотно прилегали к хорошо вылепленной голове... Да. Он был откровенно сексуален, как стали говорить много позже (тогда так не говорили!). Я об этом тогда не задумалась! Мне тогда и в голову не пришло об этом задуматься!

Доцент совершенно выбивался из общей массы захиревшей к его годам профессуры. Да. Он был красив! Красив той особой мужской красотой, которая не может оставить равнодушной «слабую половину» человечества. Особенно ту, что прибывала всю жизнь в «белых» халатах. В него были влюблены все: студентки, молодые врачихи, нянечки, медсестры и весьма почтенные коллеги! Даже старенькие гардеробщицы и санитарки, привыкшие к своей грязной работе, увидев доцента, ласково улыбались и млели.

Однажды я услышала, как одна из санитарок с придыханием шепнула своей товарке: «Какой видный мужчина!» Устоять тут было невозможно. Да я и не пыталась, хотя всегда очень неодобрительно относилась к такому всеобщему поклонению... Хотя, может быть, я себе врала? Главным был не интеллект, а это его мужское обаяние? Нет. Наверное, все-таки, все вместе! Глупых и ограниченных мужиков, даже очень красивых, я никогда не замечала! Мне с ними было скучно!

Когда я первый раз попала на его лекцию, сердце вдруг судорожно трепыхнулось и уже не захотело потом биться спокойно и ровно. Недаром все-таки говорят, что женщина любит ушами, а мужчина – глазами. Расхожая, много раз говоренная всеми, «народная мудрость»... но, тем не менее, это так!

Да. Тогда я была серой, неприметной «мышкой», задерганной болезнями родителей и ребенка, постоянным безденежьем и заботой о пропитании. Я прекрасно отдавала себе отчет, что мне не на что надеяться, но у меня, как сказала мама, «загорелись глаза». Она это увидела сразу.

– Ты влюбилась? – спросила она меня через неделю.

– Угу... – я промычала в ответ что-то неопределенное.

– Я счастлива! Наконец-то ты забудешь этого своего подонка! – моего первого мужа мама не выносила.

– Он не подонки, он просто мелкий потаскун! – на удивление, я ответила ей совершенно равнодушно, без какого-либо волнения.

Но забыть его мне было очень трудно. Конечно, за эти годы обида и боль за предательство притупились и спрятались глубоко внутри, но иногда вырывались бурными, тайными ночными рыданиями и бессонницей. Да я его продолжала любить... и презирать. Он был моей «первой любовью» и отцом моей дочери... Хотя, может быть, я продолжала любить то состояние невестомости и счастья, которое сопровождало эту первую любовь, а совсем не его?!

Я так и не разобралась в этом. Это была моя постоянная боль, к которой я в конце концов приспособилась.

А тут с доцентом все было по-другому. Это был подарок судьбы, на который я уже не надеялась! Я была уверена, что никогда больше ни в кого не влюблюсь, не смогу. И вдруг это случилось! Потрясенная этой своей влюбленностью, я не сразу разобралась в истинной

жизни кафедры, куда я попала. Но мое немое обожание не осталось незамеченным – на кафедре работали опытные и всесторонние диагносты...

Одновременно со мной на эту кафедру в ординатуру была зачислена еще одна особа. Алла. Она была годика на два постарше меня. Яркая, веселая, острая на язык, благополучная в семейной жизни (интересный муж, с положением, школьник-сын, двухкомнатная квартира в центре города, материально обеспеченная). Одевалась она по тем временам красиво, дорого и со вкусом. На кафедре она знала всех и про всех, и все знали ее, ведь до ординатуры она работала врачом здесь же, в больнице, где размещалась кафедра. Она была «своя», и все звали ее исключительно Аллочкой. Институт, в отличие от меня, она оканчивала тоже здесь, в этом родном мне городе, куда я вернулась после своего неудачного замужества с дочкой, поближе к родителям. Отец Ады был известный в медицинских кругах профессор, специалист по нервным болезням, заведовал кафедрой... Да, «тылы» у Аллочки были надежные. Она-то и посвятила меня в тайные подробности жизни этой кафедры.

По отношению ко мне она сразу взяла снисходительно-покровительственный тон. Ей льстила моя неосведомленность в институтских новостях и сплетнях, моя наивность и восторженность от пребывания в ординатуре. Одинаковое положение ординаторов нас сблизило, хотя я прекрасно понимала цену такой дружбы. Мы были в разных «весовых категориях» (в прямом и переносном смысле). У меня никаких «тылов», в отличие от нее, не было.

Я рада была этому сближению, этой дружбе, пусть и чисто внешней. С ней мне было не так страшно, да и общаться с ней было интересно. Она была очень неглупа, начитана и очень верно оценивала людей и ситуации, хотя порой, на мой взгляд, эти характеристики были излишне циничны и злы. Подруг у меня, кроме Ирки, на тот период не было – все остались там, где я оканчивала свою «Alma mater». Мои бывшие коллеги-«цеховички» в счет не шли. Это были поистине рабочие отношения. Я сознавала, что моя внешняя серость, замкнутость, закомплексованность служили Аллочке хорошим фоном. И она этим пользовалась. Когда мы были на людях, она подчеркивала свое благорасположение и дружбу ко мне, когда же меня рядом не было, не стеснялась связывать в мой адрес и откровенно посмеяться – будь это моя внешность или наивность. Я это знала (донесли!), но терпела. Мне ничего не оставалось. Еще не пришел мой час! Больше всего меня задевали насмешки в моей профессиональной безграмотности – за годы цеховым терапевтом я, как врач, все-таки деградировала. Я это понимала и поэтому все вечера, после того как уложу дочку спать, занималась. Штудировала все известные монографии и руководства. И, конечно, все лекции доцента.

Аллочка быстро «вычислила» мою влюбленность, что давало ей еще один шанс позлословить за моей спиной. Я, на ее многозначительные намеки, добродушно улыбалась и отмалчивалась. «Приличной» одежды у меня тогда не было. Каждый день я приходила в одной и той же юбке, и блузке, с дурацкой причёской – «хвостиком» и некрасивых очках. На новые очки и поход к парикмахеру у меня не было денег. Это был очень тяжелый, в материальном плане, период. Я себе сама тогда очень не нравилась!

Тогда перестали приходить алименты на дочь от моего бывшего, и это здорово подорвало мой и без того небольшой бюджет, а тут еще и стипендия в два раза ниже зарплаты... Я поняла, что сейчас, пока учусь, подрабатывать не смогу, родители-пенсионеры помочь мне могли мало, так что приходилось терпеть. Деньги шли на дочь (она постоянно вырастала из всех своих одежек), на лекарства, на питание.

На кафедре я никому об этом не говорила, как не говорила ни о своем «красном дипломе», ни о напечатанных научных статьях в сборниках моей «Alma mater» – это когда я занималась в НСО (научно-студенческом обществе) и мечтала стать знаменитым биохимиком. И «красный» диплом, и научные работы были предметом моей тайной гордости. Теперь к чему было это вспоминать? Жизнь повернулась так, что все это ушло в прошлое... Никому я не рассказывала о своих «семейных корнях»: о родителях, имеющих высшее образование

и бывших, в свое время, уникальными специалистами, долго и трудно работавшими на благо страны и потерявшими на этой работе свое здоровье, о бабушке, которая еще до революции была одной из первых женщин, получивших высшее образование, о деде-профессоре, который был репрессирован в 30-х годах и которого я видела только на сохранившихся старинных фотографиях. Врачом, по женской линии, я стала, получается, уже в третьем поколении! Это тоже было предметом моей тайной гордости. Родили меня поздно, и теперь, волей-неволей, главой семьи стала я... Я привыкла полагаться только на свои силы. Да. Никто ничего обо мне на кафедре не знал – «серая мышь», и только!

А жизнь на кафедре, та, закулисная, оказалась довольно бурной. Незадолго до начала моей ординатуры на кафедру был назначен новый профессор. До этого года два кафедру, как и.о., возглавлял доцент. Ему обещали, что после защиты докторской диссертации он останется на кафедре профессором и заведующим кафедрой. Его докторская была уже «на носу» – оставалось каких-то три месяца. Но где-то кому-то он не угодил. Поговаривали – самому ректору. Защиту «отодвинули» и пригласили готового профессора из какой-то там «тмю таракани». Этот профессор был пришлый, чужой, и сразу же на кафедре образовалось две партии: партия доцента и партия профессора, откровенно враждовавшие между собой.

Я, «пришлая и чужая», сама того не желая, оказалась в партии профессора. Все (за глаза) звали его С.С. (Семен Семенович). На фоне доцента он явно проигрывал – небольшого роста, некрасивый, невзрачный, с блеклыми серыми глазами и жидкими волосиками неопределенного цвета, тихим голосом и плохой артикуляцией, с суетливыми и дёрганными движениями неврастеника.

С.С. скорее походил на бухгалтера в какой-нибудь затрапезной конторе, чем на профессора. Сходство усиливалось еще нарукавниками, которые он надевал на рубашку. Эти нарукавники постоянно высывались из-под белоснежного профессорского халата и придавали ему нелепый вид. Приехал он без семьи, быт его был неустроен, и он, видимо, очень дорожил чистотой манжет на своих рубашках, которые некому было стирать. Лекции он читал плохо, неинтересно, вгоняя студентов своим монотонным голосом в сон. Они на его лекциях откровенно спали. Записать его лекции было невозможно. Никто и не записывал, тем более то, о чем он говорил, спокойно можно было прочитать в учебнике. С.С. только повторял и перефразировал уже написанное. Сотрудники кафедры, которые обязательно должны были присутствовать на лекции, тоже откровенно позевывали и скептически переглядывались, особенно, конечно, из партии «доцента». Сам же доцент на эти лекции демонстративно не ходил. После появления С.С. он был вынужден освободить профессорский кабинет и теперь расположился вместе со всеми, в ассистентской. Его «партия» (из уважения) сумела сделать там перестановку и расставить столы сотрудников так, что угол, где находился стол доцента, был как-бы отгорожен стеллажами и шкафами. Получилось подобие отдельного кабинета. Но это положение явно угнетало и злило доцента.

Вот в этом углу он и отсиживался во время лекций С. С. или уходил, на консультации тяжелых больных, в разные отделения больницы. Там его всегда ждали. Он с блеском разбирал все непонятные случаи, помогал врачам правильно назначить обследование и лечение. «Клиницист» он был «от Бога», и рядовые врачи его «боготворили». Его диагнозы подтверждались, назначенное лечение помогало, больные выздоравливали. Он спас многих пациентов и, недаром, был очень популярен. На консультации к нему записывались со всего города за два-три месяца от высокого начальства до простых работяг. Он не делал разницы между этими категориями. Консультации проводил совершенно бесплатно. Но тогда, когда не мог разобраться сам, честно в этом признавался и собирал «консилиум» из ведущих специалистов. Профессиональный апломб был ему совершенно чужд.

Обходы профессора и его консультации, которые он проводил очень редко, врачи игнорировали. Его осторожные и обтекаемые формулировки: «можно предположить», «нельзя исклю-

чить» – доверия не вызывали. Было видно, что он попросту боится тяжелых больных. Диагност он был никудышный. В больнице его не уважали...

Аллочка, как «своя», пребывала в тот момент в «партии доцента». Вынужденная, как и все, ходить на лекции С.С., потом, в узком кругу, постоянно высмеивала манеры профессора, его промашки, чем неоднозначно вызывала у доцента одобрительную усмешку. Да. Язычок у нее был очень злой и язвительный. Все этим восхищались, хотя, в глубине души, этого острого язычка побаивались.

Я на первых порах помалкивала и своего мнения не высказывала, да у меня его никто и не спрашивал! Для большинства я была «пустым местом».

Каждую лекцию профессора должен был «готовить» кто-то из ординаторов-первогодков, то есть я или Алла. Надо было найти и развесить таблицы и схемы по теме лекции, подготовить больного к демонстрации, кратко и внятно зачитать его историю болезни, обоснование поставленного диагноза. На роль своего ординатора профессор почему-то чаще выбирал меня. Эта роль меня очень тяготила, С.С. позволял себе особые знаки внимания к моей персоне – то, на глазах у всех сотрудников, мог ласково похлопать меня по плечу, то слегка приобнять, то, давая какое-нибудь поручение, мог многозначительно задержать мою руку в своей потной и холодной ладони. Все это не ускользнуло от внимательных глаз моих коллег и, конечно же, Аллочка и горячо обсуждалось в кулуарах. В конце концов Аллочка даже высказалась по этому поводу:

– Пусик! Кажется, тебя прочат в официальные любовницы!

Этим, по сути оскорбительным, собачьим (или кошачьим) именем Аллочка называла меня в особые периоды своего благорасположения. Сначала был «лапусик», потом стал просто «пусик». Каждый раз меня при этом всю передергивало, внутри я страшно бесилась и злилась. Аллочка прекрасно это понимала и этим наслаждалась. Я сдерживалась изо всех сил и старалась подавить нарастающее раздражение, что еще больше придавало пикантность ситуации.

Как оказалось, «официальная любовница» была и у доцента! Для меня это открытие было шоком! Поведала об этом, конечно же, Аллочка. Это была Зинаида Павловна, женщина средних лет. Работала она на кафедре давно, ассистентом, без всяких научных степеней, была членом партии (КПСС) и партии доцента и являлась самой преданной его почитательницей. Доцента она обожала. Мне тогда она казалась очень пожилой дамой, хотя с доцентом они были ровесниками. О возрасте доцента я тогда не задумывалась, для моей влюбленности это не имело никакого значения.

Наверное, для З.П. доцент стал той последней «лебединой песней», которая случается в жизни каждой женщины..., или почти у каждой. Она мне нравилась: спокойная, дружелюбная, всегда готовая помочь. Этим она выгодно отличалась от остальных кафедральных дам. Но в роли любовницы доцента я совершенно не могла ее представить! Тем не менее, это было правдой, и все об этом знали. Уже давно!

Видя мое ошеломленное лицо, Аллочку просто распирало от злословия:

– Представляешь, Пусик! У нее муж, две дочери, а она, наплевав на свою репутацию, таскается к нему каждый день! Готовит, обстирывает, ухаживает, да еще и спит с ним! И это в институтском общежитии для семейных. Доцент ведь живет в общежитии. Ему так и не дали квартиру! И все это видят!

Аллочка сладострастно шептала мне эти подробности на ухо, округлив глаза:

– А сама... «ни кожа, ни рожа»! Лицо и фигура как у кобылы! И, к тому же, он ей постоянно изменяет! Ни одну юбку не пропустит. А она все терпит!

От нескрываемой злобы, с которой Аллочка выдала мне эту информацию, меня передернуло:

– Врешь ты все! – не выдержала я. – Зинаида Павловна очень приятная женщина!

– Угу, приятная! – процедила Аллочка. – За доцента готова любой в морду вцепиться! И как только не стыдно!

Аллочка считала себя первой красавицей и на кафедре, и в больнице. «Уж не тебе ли пыталась вцепиться в морду?!» – осенила меня внезапная догадка. То, с какой страстью и рвением она при доценте «проезжалась» по поводу С.С, выдавало ее с головой, и было явно не просто так. После этих откровений я и сама стала кое-что замечать.

Ежедневные чаепития в ассистентской: З.П. обставляла их по-домашнему – на стол выставлялась особая «доцентская» кружка, большая, красная, в белый горошек и такой же заварочный чайник, баночки с разнообразными вареньями или самодельным повидлом, в специальных судочках – домашние котлетки или запечённая рыба, свежееиспечённые пирожки, заботливо завернутые в три слоя вошеной бумаги. «Путь к сердцу мужчины лежит через желудок!». И где только она доставала эти продукты, когда в магазинах почти ничего не было?

Остальные, словно, не замечая всего этого, довольствовались принесенными хилыми бутербродами да растворимым кофе в термосе. Буфет в больнице тогда не работал. Каждый перекусывал у себя за рабочим столом. Доцент же с З.П., не смущаясь, располагались за «обеденным» столом, при входе в ассистентскую. Уходили с работы и приходили они тоже вместе, З.П. бдительно следила за чистотой доцентского халата и не гнушалась бегать к кастилянше погладить ему рубашку перед лекцией. З.П. меня просто не замечала, остальных откровенно игнорировала. На лекции профессора она сначала тоже, как доцент, не ходила, проявляя солидарность, и только после строгого внушения, сделанного С.С при всех, стала появляться на лекциях. С оскорбленным лицом, поджатыми губами и презрительной ухмылкой. Правда, я не замечала, что доцент где-либо оказывал кому-то знаки внимания, кокетничал или заигрывал. Здесь Аллочка наврала – за «юбками» он не бегал!

Доцент всю эту заботу З.П. принимал как должное. И никогда ее не благодарил. По крайней мере, я этого не слышала. Мне это все совсем не нравилось: «Ведет себя как барин! И потом, он ставит З.П. в неловкое положение на глазах у всех!» – думала я с раздражением. Но это раздражение сразу куда-то пропадало, когда я попадала на его лекцию.... Профессор присутствие ординаторов на лекциях доцента не одобрял. Приходилось что-то врать, выкручиваться. Зато после лекции у меня опять начинали светиться глаза! О моих посещениях профессору кто-то донес. Он вызвал меня к себе и сделал мягкое внушение, при этом взял меня под локоток и попытался проникновенно заглянуть в глаза. Я стояла, виновато опустив голову, разглядывая что-то на полу и изображая полную идиотку, никак на его внушения не реагировала. Наконец С.С. расвирепел и уже в открытую запретил мне появляться на лекциях доцента. Но мои сияющие глаза насторожили не только профессора, З.П. тоже стала как-то настороженно поглядывать в мою сторону. Уж не Аллочка ли здесь потрудилась?

Однажды, после одной из лекций, которые я все-таки продолжала упорно посещать, не смотря на внушение, доцент, проходя мимо меня по коридору, вдруг притормозил и негромко заметил: «Вам надо сменить прическу и очки». Я просто застыла от неожиданности. Мне-то казалось, что он меня совсем – ну просто совсем-совсем не замечает с высоты своего величия. И... надо же! В этот вечер, упросив Ирку побыть с ребенком, я помчалась в парикмахерскую, сделала модную стрижку «Сессон» и купила (из-под полы, конечно!) на последние деньги модные очки в тонкой золотой оправе, которые удивительно поменяли мое лицо. Или оно само поменялось? Поздно вечером, когда дочка уснула, я перебрала свой небогатый гардероб. Неожиданно раздался звонок в дверь. Это была мама. Она протянула мне какой-то сверток:

– Вот. Держи. Я тут немного сэкономила и решила купить тебе новую блузку. Примерь! Все-таки ты сейчас на людях – тебе надо хорошо выглядеть! И молодец, что, наконец, сделала стрижку. Я давно хотела тебе сказать об этом. Из-за нас ты совсем перестала за собой следить!

И обязательно сделай маникюр, а потом надень вот это колечко. Это бабушкино – тебе завещано. Я совсем про него забыла с этими нашими операциями... Оно должно принести удачу!

Мама, как всегда, все сама поняла и почувствовала. Я поцеловала ее в родную щеку и поспешила примерить блузку. Она оказалась в самую пору! И размером, и фасоном, и цветом!

Наутро, проводив дочку в садик, я уложила волосы, надела новую блузку, тщательно подвела глаза, накрашила ресницы, губы и, впервые за последние годы, сама себе понравилась. «Надо же! А я еще ничего! – с удивлением отметила я, рассматривая себя в зеркало. – Еще не все потеряно!»

На пальце посверкивало бабушкино колечко с маленьким изумрудиком, как раз в цвет блузки. Но к моему старенькому плащу срочно нужен был новый шарф, а у меня ничего не было. На счастье, у ребенка лежала на парадный случай широкая нейлоновая лента с кантом. Чем не шарф?! Я достала единственные мои туфли на шпильке, которые я берегла на «особый случай», кажется, этот случай наступил!

«Ну, погоди!» – задорно подумала я и помчалась на кафедру. Я безнадежно опаздывала на лекцию к С.С., но теперь мне было на это наплевать! Когда я, тяжело дыша от быстрой ходьбы, влетела в ассистентскую, доцент как всегда сидел в своем углу и что-то быстро писал. Больше никого в комнате не было. Постукивая каблучками, я повертелась перед зеркалом, висевшем в тамбуре, привела в порядок растрепавшиеся волосы, прошла к своему столу и громко поздоровалась:

– Добрый день, Михаил Юрьевич! – я очень хотела привлечь его внимание. Всегда выручавший меня медицинский халат я, конечно же, не надела! Доцент поднял голову и оглянулся. В его глазах я увидела неподдельное изумление.

– Здравствуйте... Надежда Александровна, – голос его был совершенно растерянным. Оказывается, он знает, как меня зовут! Состроив озабоченное лицо, я схватила со стола какую-то папку, круто повернулась на каблучках и выпорхнула из комнаты. Доцент проводил меня изумленным взглядом – я это почувствовала спиной!

На лекции профессора был как раз небольшой перерыв. Я подошла к С.С. с извинениями и что-то там наврала о причине моего опоздания. В его глазах тоже появилось удивление. Так вам и надо! – злорадно подумала я и уселась на свое обычное место, рядом с Аллочкой.

Последствия не заставили себя ждать: после лекции С.С. был сама любезность, а доцент – молчалив и задумчив. Аллочка же ходила вокруг меня и удивленно качала головой: «Надо же, Пусик! Ты выглядишь сегодня просто сногшибательно! Что случилось?». В ее глазах было плохо скрываемое беспокойство. «Серая мышь исчезла!» Такое же беспокойство сквозило и в глазах З.П.

Сразу после лекции было кафедральное совещание, на котором хмурый С.С. объявил, что он сокращает лекционные часы доцента. Объяснять он ничего не стал. Все это выглядело как сведение личных счетов, а на деле значительно уменьшало зарплату доцента. «Кафедральные» напряженно молчали. Скосив взгляд, я посмотрела на доцента – его голубые глаза даже потемнели от гнева. Но он молчал и сидел с каменным лицом. Зинаида Павловна попыталась что-то сказать о целесообразности этого решения, но С.С. жестко ее оборвал. Видимо, он решил показать всем, кто на кафедре главный.

– Уважаемая Зинаида Павловна, – язвительно высказался Семен Семенович, – я понимаю, что вы не можете быть беспристрастной, но подчеркиваю, что заведующим кафедрой являюсь все-таки я! И я отвечаю за учебный процесс! – потом добавил: – Это решение согласовано с ректором и парткомом.

Да, не зря он «дневал и ночевал» у начальства. «Партия доцента» сидела с опущенными головами и многозначительно переглядывалась. Упоминание ректора и парткома многих сразу же отрезвило! Позиции Семена Семеновича укрепились!

Окрепшим голосом профессор продолжил:

– Кроме того, должен вас всех уведомить, что со следующего учебного года часть кафедры переедет на новую базу. Вам, Михаил Юрьевич, придется заниматься новой для нашей кафедры программой по пульмонологии. Надеюсь, что ваши лекции будут столь же блестящими, как и в любимой вами кардиологии...

Семен Семенович торжествовал, доцент же продолжал молчать. Только заходившие желваки выдавали его волнение. Сокращение его лекционных часов, кроме унижительной, имело еще и материальную сторону. Его зарплата существенно уменьшалась. Удар был «ниже пояса»!

«Вот ничтожество! – подумала я о профессоре. – Кому будут нужны твои лекции! Полная посредственность и бездарность!». Задумавшись, я пропустила начало следующего пассажа.

... – а наши ординаторы должны будут показать себя во всей красе! – Семён Семенович многозначительно посмотрел в мою сторону – Надеюсь, что они справятся. Темы конференций возьмите у секретаря.

Я толкнула Аллочку локтем и тихонько спросила: – О чем это он?

Алла заерзала на своем месте и сердито ответила:

– О чем только ты думаешь! Все пропустила мимо ушей! Нам придется проводить клинические конференции для студентов, одним! Ты представляешь, сколько это работы?! До первой осталась неделя, а тема еще неизвестна!

Аллочка была очень расстроена. Предстояло не только не «ударить в грязь лицом», но и показать свою эрудицию и знания. Да. Работы было очень много, но меня это почему-то не напугало, а только подзадорило.

Я больше переживала за доцента. Кафедральное, наконец, закончилось, все стали расходиться. Задумчивые и молчаливые. Зинаида Павловна и другие из «партии доцента» собрались у него за стеллажом и что-то тихо обсуждали. Мы же с Аллочкой поплелись к секретарю за темой конференции. Тема оказалась сложной и плохо нам знакомой. Мы только тихонько вздохнули. Предстояло еще, кроме теоретической части, провести демонстрацию больных с подробным разбором. Проводить конференцию первой Семен Семенович поручил мне. Это сообщила нам секретарша уже в конце. Аллочка расплылась в довольной улыбке. «Проверка на вшивость! – пронеслось у меня в голове. – С.С. дает мне понять, что если я буду упорствовать и изображать из себя наивную дурочку, то у меня могут начаться неприятности! Придется попотеть! Ничего. Этим ты меня не испугаешь!». В коридоре нам навстречу попался доцент, и неожиданно он спросил:

– Ну как, коллеги, трудная тема?

Алла удрученно закивала головой. Доцент улыбнулся. «Какая приятная у него, оказывается, улыбка», – подумала я и густо покраснела.

– Не бойтесь! – я помогу вам с материалом. А вам, Надежда Александровна, новая прическа очень к лицу! – и, словно, не заметив моего смущения, бодро зашагал дальше.

«Он решил бороться, – догадалась я. – Молодец!» – и украдкой проводила взглядом. Хорош! Ничего не скажешь! Аллочка тоже задумчиво смотрела в сторону уходящего доцента.

День первый

Столбик пепла от тлеющей в руках сигареты обжог пальцы и вывел меня из задумчивости. Прошло, наверное, не больше пятнадцати минут, а перед моими глазами в мельчайших подробностях пролетели события двухлетней давности. Начало этой истории... Да. Это было начало. А сейчас? Начало конца? Наверное, так... Я тяжело вздохнула, из глаз выкатилось по паре слезинок. Та темно-зеленая вода манила и затягивала... Я упрямо покрутила головой: «Надо во всем этом разобраться, даже если это конец!»

Я взглянула на часы – скоро шесть, но Ниночка наверняка еще на работе. Она не любила возвращаться рано в свой одинокий дом. Ниночка – это моя давняя хорошая приятельница. Мы познакомились во время моей работы цеховым терапевтом. В моих попытках отстоять на заводе технику безопасности, в подшефных цехах, меня занесло в заводскую токсикологическую лабораторию. Там мы и познакомились. Она не считалась подругой – наши жизни текли отдельно – но мы всегда были рады видеть друг друга и друг другу помочь. В свою жизнь Ниночка не пускала никого. Я не обижалась и по своему горькому опыту понимала, что такое бывает после какой-то тяжелой личной драмы.

Я набрала ее рабочий телефон. Ниночка была на работе.

– Нинуль! Надо сделать анализ напитков на наличие токсичных примесей. Быстро сможешь? – начала я «с места в карьер».

– Напитки алкогольные? – она сухо поинтересовалась.

– Да.

– Вези. Результат будет завтра к вечеру.

– Буду у тебя через пятнадцать минут!

– Хорошо. Я выйду, встречу. Пока.

Я бросилась к спрятанным бутылкам, перелила из каждой в баночку около стакана и подписала. Бутылки опять спрятала, а баночки поставила в чистый пакет и туго перевязала.

Через пятнадцать минут я была в проходной моего «родного» завода. По местному телефону позвонила Ниночке, она спустилась и, ни о чем не спрашивая, забрала пакет.

– Спасибо, Нинуль!

– Пока еще не за что! – буркнула Ниночка. – Завтра позвоню, когда будет готово. Пока!

– Пока...

Ниночка никогда не отличалась многословностью. Я всегда удивлялась, куда смотрят мужики. Ниночка была бы идеальной женой – молчаливая, работающая, все понимающая. И на внешность очень симпатичная.

Еще через пятнадцать минут я была у родителей. Дочь расстроилась, что я не разрешила ей досмотреть очередной фильм про «Чингачкука» и с недовольным видом отправилась домой. Ужинать отказалась, взяла яблоко и ушла слушать свои любимые пластинки со сказками. Капризничала, когда я запихнула ее под душ. Успокоилась только тогда, когда я ей почитала про ее любимых Мумий-Троллей. Когда она наконец заснула, я плотно закрыла в комнату дверь, нашла сигареты, открыла окно и продолжила свои воспоминания. Благо луна к этому располагала.

Если бы не этот зеленый кошмар, наверное, никогда бы не стала перебирать всю эту историю. Так что «нет худа без добра». Но добра ли? Итак, ...

Да. Тогда многие заметили превращение серой мышки, даже Сергей Иванович. Раньше он никогда меня не замечал и проходил как мимо пустого места. И никогда не здоровался. А тут подошел, обворожительно улыбнулся, как он умел:

– Надежда Александровна, вы сегодня просто обворожительны!

Сергей Иванович, молодой, только слегка за тридцать, высокий, худощавый, симпатичный ассистент, чем-то отдаленно напоминавший Муслима Магомаева, не входил ни в одну партию. Держался независимо и высокомерно. Говорили, что его отец занимал крупный пост в облздраве. Он был поклонником Адочки. По крайней мере, Аллочка с ним явно кокетничала – «строила глазки». Они часто мило беседовали, что-то обсуждали, над чем-то смеялись. Было видно, что он ей нравится, как и она ему. Сергей Иванович, как и Аллочка, был «своим», и у него тоже были «тылы».

– Спасибо! Я очень тронута вашим неожиданным вниманием! – я не удержалась, съязвила. Сергей Иванович хохотнул и при этом вдруг внимательно на меня посмотрел, словно впервые увидел. Может, так и было. А я в очередной раз убедилась, что мужики, как сороки, любят все яркое и блестящее. Теперь мне предстояло «держаться марку». А для этого нужны деньги. А где их взять?! В ближайшее воскресенье я должна была сводить Таньку в зоопарк! Давно ей это обещала. А там – карусели, мороженое, разноцветные воздушные шары, надутые гелием и весело рвущиеся в небо. Это все великолепие требовало денег. А их не было. Неужели опять придется просить у родителей? Выручили алименты, которые поступили совершенно неожиданно. Небольшие, но на зоопарк и все остальное хватило.

Вечером, уложив дочь спать, я достала свою старую (еще от бабушки – зингеровскую) швейную машинку и решила переделать вышедшее из моды платье студенческих лет. Пришла мама, увидев мои усилия по обновлению гардероба, помрачнела и задумалась.

– Ты, о чем, мама? – спросила я, при этом пыталась исправить строчку. Мама тяжело вздохнула:

– Я о том, что, проработав всю жизнь, имею теперь пенсию по инвалидности в 35 рублей и не могу дочери купить приличную одежду! Я бросила шить, обняла маму и, вдыхая знакомый с детства запах, уткнулась в ее родное плечо.

– Ты же купила мне замечательную кофточку! Не переживай! Главное, чтобы все были здоровы!

– Здоровы мы уже не будем! – жестко отрезала мама. – От старости не выздоравливают! Мне тебя очень жаль. Где это видано, чтобы человек с высшим образованием получал такую зарплату! На западе врачи – самые обеспеченные люди!

– Но мы не на западе! – я попыталась прекратить этот неприятный разговор. – Мы ведь не голодаем... Пока... И потом, все так живут!

– Вот именно, пока! – мама опять тяжело вздохнула. – А так живут у нас далеко не все!

Мама всегда высказывала очень критичные взгляды на нашу советскую систему, а я об этом не задумывалась или не хотела. Может быть, из чувства самосохранения.

Мама тогда помогла мне наладить швейную машинку и посоветовала, как можно переделать платье. Помню, как у меня сжалось сердце, когда я ее провожала: в последние годы, особенно после моего развода, она очень сдала. Но теперь я была рядом с ними... Опять – «нет худа без добра». Я знала, что мама мечтает, чтобы у меня как-то устроилась «личная жизнь» и очень переживает за Таньку, что она растет без отца. Я же, после развода, обрела свободу и совсем не стремилась снова ее потерять. Но маме я об этом не говорила.

Перешитое платье выглядело очень неплохо, и я была очень довольна собой. Всю следующую неделю я готовилась к конференции. После работы мчалась в областную медицинскую библиотеку и сидела там до закрытия. На этот период я отправила Таньку к родителям, благо мама чувствовала себя неплохо, астма ее не мучила! Потом, после библиотеки, готовилась еще и дома, до глубокой ночи. Мне было очень важно по многим причинам «не ударить в грязь лицом». Главное – конечно, из-за доцента!

В один из этих дней в библиотеке я наткнулась на него... Похолодев, попыталась незаметно прошмыгнуть мимо, но он меня увидел и остановил.

– Надежда Александровна! Вы так торопитесь, что не хотите даже со мной поздороваться и побеседовать? Здравствуйте! Как ваши дела? – глаза у него смеялись, на губах играла лукавая усмешка. Я совершенно смешалась и густо покраснела:

– Здравствуйте! Извините, я тороплюсь. Мне надо успеть забрать дочку из детского сада.

– Оказывается, у вас есть уже такая большая дочь? Простите за нескромный вопрос, сколько же вам лет? – изумленно воскликнул доцент.

– Уже довольно много, чтобы иметь такую дочь! – рассмеялась я, сглаживая его бестактность.

Доцент нахмурился: – Извините за мой вопрос, но вы выглядите, как будто недавно закончили институт. Хотя, ребенка можно родить и на первом курсе... Извините еще раз за мою неловкость.

– Михаил Юрьевич, я уже успела поработать после окончания института пять лет.

– Да?! – доцент рассеянно взял с библиотечной стойки свой читательский абонемент. – Я найду за книгами завтра. Извините, – заявил он библиотекарше и взял меня под руку.

– Вы позволите вас проводить? Где детский сад вашей дочери?

Краем глаза я увидела любопытный взгляд библиотекарши. Доцент явно был здесь личностью известной, и я на минуту растерялась. Бешено заколотилось сердце. Такого поворота событий я совсем не ожидала! Вне кафедры доцент был совсем другим человеком – более естественным, земным.

– Если вы не торопитесь, то позволю! – не без кокетства ответила я. – Садик довольно далеко отсюда, придется ехать на трамвае.

Доцент, по-прежнему держа меня под руку, направился в сторону выхода.

– Значит на трамвайную остановку? – уточнил доцент и вопросительно посмотрел на меня. Я кивнула. От волнения язык прилип к небу, во рту было противно и сухо.

Когда подошел нужный трамвай, доцент галантно помог мне подняться на ступеньки. Был конец рабочего дня, и народу набилось очень много. Нас, во время езды, постоянно прижимало друг к другу. Наконец доцент не выдержал и продвинул меня в освободившийся на площадке угол. Я невольно почувствовала силу его рук и упругие мышцы. Чем-то горячим обожгло голову. Доцент напряженно смотрел куда-то в сторону и хмурился.

Когда мы подошли к садику, уже смеркалось.

– Михаил Юрьевич, спасибо, что проводили. Мы уже пришли. – От волнения моя фраза прозвучала очень официально, но доцент словно этого и не заметил.

– А где вы живете?

– К счастью, недалеко. Вот там наш дом. Это просто чудо, что мне дали место в детском саду так близко от дома! Очень выручает. И родители живут здесь же, недалеко.

– У вас и родители есть? – Этот вопрос прозвучал совсем нелепо, но доцент опять этого не заметил. Я рассмеялась.

– Да. Я не круглая сирота!

– И муж тоже есть?

– А вот этого как раз и нет! – с некоторым вызовом ответила я. Такой поворот разговора меня насторожил. Я этого совсем не ожидала.

– Вы разведены?

– Да, – сухо ответила я, неприятно задетая этим допросом. – Извините, мне надо идти. До свидания. И, резко развернувшись, направилась в сторону крылечка.

Когда мы с Танькой вышли, доцента на центральной дорожке уже не было. Я облегченно вздохнула. Но оказалось, что доцент сидит в стороне на лавочке и курит.

– Надежда Александровна! – позвал меня доцент, на ходу бросая сигарету. – Покажите же свое произведение!

Я опять растерялась и остановилась. Когда доцент подошел, моя Танька сурово взглянула на незнакомого дядю. Свою дочь я просто обожала: Танька росла очень хорошенькой, с кудрявыми пышными волосиками, большими карими глазками – в своего «папашу» – и, на редкость, своенравная. Характер проявился у нее очень рано, и порой она вертела мной, как хотела.

– Ого! Хороша! – доцент ласково взглянул на ребенка. – А глаза-то какие!

Танька, недовольная бесцеремонным разглядыванием, надула губы.

– Вы кто? Я вас не знаю! – оборвала она доцента.

Я дернула дочь за руку:

– Как ты разговариваешь с взрослыми?! Поздороваться нужно.

Доцент весело улыбнулся.

– Нормально разговаривает. Правильно. Нечего любезничать с незнакомыми дядьками, – и протянул Таньке руку.

– Тогда давай знакомиться. Я с твоей мамой работаю.

Танька демонстративно спрятала руки за спину.

– Да, с характером! В маму, наверное, – улыбнулся доцент.

– Ладно, познакомимся, – Танька вытащила из-за спины свою ручонку и вложила ее в протянутую ладонь доцента. Он осторожно пожал ее ладошку.

– Ну, вот и хорошо. Теперь будем знакомы. Меня зовут Михаил Юрьевич.

– А курить нехорошо! И папироску надо бросать в урну, – с важным видом продолжила дочь. Я снова дернула ее за руку: «Как ты разговариваешь!».

– Совершенно с тобой согласен. Нехорошо, – расхохотался доцент. – А папиросу я подберу. Прямо сейчас.

Он действительно направился к лавочке, поднял сигарету и засунул ее к себе в карман. Что-то неуловимо поменялось в его суровом лице. Глаза потеплели. Он был явно растроган общением с моей дочерью.

– А нам надо домой! Я хочу есть! – ребенок продолжал демонстрировать свой характер.

– Ты разве не ужинала? – недовольно спросила я.

– Не-а... Какая-то запеканка была невкусная. Морковная. Я не люблю такую!

– Сколько ей годиков? – спросил доцент, продолжая улыбаться.

– Скоро пять...

– Да. С характером... Хороша! Тогда до свидания, маленькая принцесса.

– Я не принцесса! Я – Таня! Принцессы только в сказках бывают, – и потянула меня за руку.

– До свидания, Таня! – повторил доцент, глядя нам вслед.

– До свидания! – буркнула я, переживая за поведение дочери. Та попрощаться не соизволила!

Больно кольнуло где-то под ложечкой – что-то новое, неожиданно-негаданно врывалось в мою вроде бы устоявшуюся жизнь, и я очень этого боялась. «Обжегшись на молоке, дуешь на воду, – печально думала я, шагая по дороге к дому. – Не надо ничего придумывать и чего-то ждать... Все пустое!»

А моя Танька тоже вдруг задумалась и, на удивление, шла, молча, не болтая, как обычно, о своих «садичных» новостях. А вечером заявила, что этот дядя ей понравился. Вот чертовка!

День первый

Была чудная звездная ночь, тихая и теплая. Огромная луна выплыла из-за верхушек деревьев и уставилась прямо в мое раскрытое окно. Полнолуние. В такие ночи на меня обычно накатывала тоска. Серебристо-зеленый свет заливал двор. Все казалось каким-то волшебным, незнакомым. В доме напротив светилось только одно окно. «Неужели спят?! В такую ночь!..» – я сидела на подоконнике и продолжала перебирать картинки двухлетней давности. Если бы не то, что случилось со мной сегодня, нет – уже вчера ночью! – я бы ничего этого не вспомнила. Серебристо-зеленый колеблющийся свет заполнил комнату.

«Что же я сижу?! – вдруг осенило меня. – Завтра мой последний день в ординатуре! Завтра я должна забрать характеристику и другие документы на кафедре и ехать в ректорат! Завтра, нет, уже сегодня! я увижу доцента! Надо будет во всем разобраться. Может быть, он передумает?!»

Я знала, что Семен Семенович поручил написать характеристику доценту. После всего, что произошло на кафедре, сам писать не стал, сослался на отпуск. Уехал. А ведь грозился! Если бы характеристику писал он, то она была бы явно плохая – с такой потом на работу не возьмут. В последний момент Семен Семенович все-таки решил не делать мне гадость. Пожалел?

Я спрыгнула с подоконника и захлопнула окно. Надо идти спать!

Впереди был целый свободный месяц, который давался ординаторам для устройства на работу. На кафедре меня, конечно, Семен Семенович не оставил, а вот Аллочка успешно прошла в аспирантуру, на то место, которое сначала Семен Семенович обещал мне – при условии моей, мягко сказать, лояльности... Ха-ха! Теперь мне предстояло найти работу. Я несколько об этом не жалела – я была уверена в себе и в своих силах. Сегодня я увижу доцента!

Я легла, но заснуть не смогла – снова замелькали воспоминания.

Тогда, на следующий день после встречи с доцентом в библиотеке, мне пришлось опять исполнять роль «ординарца». Семен Семенович вызвал меня к себе и попросил найти к лекции какие-то таблицы, висевшие у него в кабинете в углу. Дал список. Я старательно перебирала эти старые, пыльные таблицы, когда вдруг почувствовала на талии руку Семена Семеновича. И как только он сумел так неслышно подойти? Ах да, шуршали таблицы. Меня невольно передернуло: «Рука как у лягушки!» – но я даже не обернулась. Сделала вид, что ничего не заметила и стала еще усерднее просматривать таблицы. Семен Семенович, молча, потоптался рядом, потом отошел с недовольным видом. В этот момент я громко чихнула:

– Извините, Семен Семенович. Мне надо выйти! У меня аллергия на пыль!

– Да, да, – растерянно отозвался Семен Семенович.

Я выскочила из кабинета и побежала умываться – у меня действительно была аллергия на пыль, но сейчас еще добавилась «аллергия» другого рода. Этого еще не хватало! Семен Семенович перешел к активным действиям? Неужели Аллочка была права?! Тогда у меня здорово испортилось настроение – меня совершенно не вдохновляли эти знаки внимания со стороны профессора. Все это могло очень осложнить мое пребывание на кафедре! И потом... Семен Семенович мне был просто неприятен физически! Будь на его месте доцент, может быть я была бы только рада...

До проведения конференции оставалась неделя, а тут, как назло, заболела Танька тяжелой ветрянкой, и вся моя подготовка сорвалась. Занятия в библиотеке пришлось прекратить. Хорошо еще, что основной материал я уже подготовила. Мне пришлось уйти на больничный лист. Ребенок лежал в кровати совершенно несчастный и хныкал. Держалась высокая температура. Она была как маленький леопард – вся в пятнах зеленки. У меня, глядя на нее, от

жалости разрывалось сердце. Я просто сбивалась с ног. От больницы я отказалась и все делала сама. По ночам, когда моя ненаглядная доченька засыпала после жаропонижающего, я бросалась к письменному столу, пытаюсь привести свои записи к конференции в систему. Дня через три позвонил доцент! У меня тут же пересохло в горле – чтобы доцент позвонил сам, какой-то там простой ординаторше! Это было невероятно! И потом, откуда он узнал номер моего домашнего телефона? Неужели опять Аллочка постаралась?! Ах да, он же есть в личном деле. Видимо у меня в голосе звучало такое изумление, что он даже смутился:

– Здравствуйте, Надежда Александровна! Это вас беспокоит Михаил Юрьевич (соблюдены все правила вежливости!).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.